

Арту́ро Регини – современный пифагореец

Дана Ллойд Томас

Ни одно исследование эзотерической культуры Италии не было бы полным без упоминания Арту́ро Регини (1878-1946). Писатель, переводчик, математик, но, прежде всего, пифагореец, он играл ключевую роль в возрождении в Италии интереса к оккультизму, также как и в восстановлении духовных традиций в масонстве.

Книги и статьи, вышедшие из-под пера Регини, затрагивают множество тем, начиная от масонского символизма, теософии, неоплатонизма, заканчивая Корнелием Агриппой и Калиостро. Будучи редактором журналов «Ignis» и «Atanor», он публиковал труды таких известных эзотериков, как Рене Генон и Юлиус Эвола. Впоследствии он заплатил за свое вольнодумство – особенно в области свободы совести – когда в период фашизма франкмасонство оказалось под запретом.

Регини родился во Флоренции 12 ноября 1878 года. Он был старшим из пятерых детей. Его философская (в классическом смысле этого слова, как «возлюбившего мудрость») карьера началась в ранней юности, когда его аристократическое семейство отправило Регини учиться математике в пизанский университет. Однажды вечером высокий стройный студент встретил незнакомца, который выбрал его кандидатом на посвящение в таинственную пифагорейскую школу, известную также как Schola Italica. Незнакомцем оказался Амедео Арменанто (1886-1966), вызывавший восхищение литературных кругов Флоренции своими глубокомысленными, лаконичными рассуждениями о времени, разуме и душе, а также психическими силами, которыми он обладал.

Регини прошел посвящение в самом прямом смысле этого слова. Испытание пятью элементами, которое он перенес, было не просто церемонией, но самой что ни есть подлинной реальностью. Для него, перешагнувшего порог смерти, это было не просто символом, но самой сутью того, что он пережил, увидел и познал. (1)

Политика и тайные общества

Дабы понять вклад Регини в эзотерическую культуру того времени, было бы полезно получить некоторое представление о происхождении итальянского масонства и его связи с историческими событиями. Как и в других странах, Цех в Италии имеет столь много проявлений, что между ними трудно найти что-то общее. Как утверждают одни, масонство требует практически религиозной верности в следовании «древним и принятым» правилам и церемониям, тогда как другие, вне всякого сомнения, видят в нем средство совершенствования общества, целиком основывающееся на рационалистических воззрениях девятнадцатого столетия, вере в прогресс, просвещение и науку. Масонские структуры включают известное число философов и мистиков, впрочем, как откровенных карьеристов. Помимо прочего, существуют и антимасонские силы, вышедшие первоначально из католических кругов, а впоследствии представленные политиками и мыслителями, как с правого, так и с левого политических флангов. В любом случае, на протяжении итальянской истории политические и эзотерические аспекты масонства шли, зачастую, рука об руку.

Первая известная итальянская ложа была основана во Флоренции Чарльзом Зэквиллем, графом Мидлэссекским, Генри Фоксом и сэром Чарльзом Мэнном приблизительно в 1730

году. (2) Хотя к тому времени традиции флорентийского ренессанса оставались только отдаленным воспоминанием, Тоскане под властью последнего Медичи все еще удавалось сохранять некоторую свободу, избегая наихудших крайностей контрреформации. Вскоре ложи открылись в Риме, Неаполе, Турине и других местах. Но связь Цеха с Англией – ведущей протестантской силой – вызывала подозрения как у светских правителей итальянских государств, так и церковных иерархов.

В 1738 году, когда папа Клемент XII издал буллу *In eminenti*, в которой фактически запрещал католикам становиться франкмасонами, он уже достиг почтенного возраста в 87 лет и полностью потерял зрение. Четко следуя в русле папской склонности к силовым действиям, эта мера, по-видимому, была первоначально связана со вниманием к ситуации в родной для папы Тоскане и, вероятно, при ее введении имелась в виду, прежде всего, Италия. Наверное, не было совпадением, что годом ранее умер последний из Медичи, Жан Гастон; акция могла преследовать двойную цель: нанести удар по подозрительной протестантской организации и восстановить папской влияние в относительно веротерпимой Тоскане. Тем не менее, независимость города была сохранена и при новом правителе, которым стал Франциск Лотарингский, сам бывший масоном. (3)

Шаг папы ознаменовал начало гонений; пыткам с целью выведать «секреты франкмасонов» подвергли поэта Томазо Крудели, ставшего первым масонским мучеником. Он был отпущен лишь при вмешательстве Франциска. (4) Несколько десятилетий спустя, прославленный маг, граф Алессандро Калиостро, которому повезло значительно меньше, скончался в заключении в папской крепости Сан Лео в 1795 году. Регини писал о папской анафеме: «Следствием церковной враждебности стала ответная реакция, когда в ряде стран франкмасонство с целью защиты было вынуждено превратиться в тайное общество. Тем не менее, оно никогда не приобретало сектантского характера, а ритуалы всегда отличались терпимостью, широтой и независимостью раннего периода». (5)

В девятнадцатом столетии масоны и масонские организации сыграли существенную роль в итальянском Рисорджименто («Восстановлении»). Франкмасоны активно содействовали объединению разрозненных итальянских государств, оградив себя, тем самым, от обвинений в «стремлении к ниспровержению». Добивавшаяся объединения политическая организация Джузеппе Маццини, *Giovine Italia* («Молодая Италия») исповедовала масонские идеалы гуманизма, прогресса и светского государства.

В 1859 году был основан Великий Восток Италии. (6) В 1862 году в Палермо под предводительством патриота Джузеппе Гарибальди прошло заседание Верховного Совета Шотландского Устава, а собравшийся в 1864 году во Флоренции первый Конгресс итальянского франкмасонства избрал Гарибальди Великим Мастером.

Рисорджименто, может быть, даже в большей степени, чем Французская Революция, было явлением «буржуазным», франкмасонство же опиралось на средний класс, который в Италии был невелик, но активен. Оно рассматривалось как инструмент, способный сохранить в единстве такие разнородные силы, как республиканцы Мадзини, монархисты, ориентирующиеся на Савойскую династию, и «Красные рубашки» Гарибальди. Как отмечает один ученый, «в стране, где все политические конфликты имеют региональную подоплеку, ... ложи были единственной подлинной школой национального единства». (7) Поскольку церковь продолжала враждебно относиться к объединению, масонство сохранило свои антиклерикальные установки.

В течение десятилетий после объединения в 1870 году множество представителей нового класса политиков и чиновников было масонами. К концу девятнадцатого столетия франкмасонство было общепризнанной частью истеблишмента, располагавшей преимуществами, которые имели скорее материальный, нежели духовный характер. Финансовые скандалы и политическая нестабильность сделали политическую элиту уязвимой для критики, а в адрес франкмасонства, воспринимавшегося ранее как столп независимости и демократии, стали раздаваться обвинения в узкоклассовом характере и коррупции. Как и в остальных католических странах циркулировало множество антимасонских памфлетов, базирующихся в основном на конспирологических теориях аббата Баррюэля и Лео Таксиля и создававших впечатление, что масонство гораздо более могущественно и монолитно, чем было на самом деле.

Подобные идеи, несомненно, повлияли на Бенито Муссолини в бытность его членом социалистической партии и вновь всплыли на поверхность в период фашизма (1922-43), несмотря на связи с масонством многих фашистских лидеров. (8) (Основанное в 1919 году фашистское движение насчитывало среди своих первых участников множество франкмасонов, привлеченных в него разными факторами, включая ранний антиклерикализм и революционные устремления.) Преследования хотя и не носили систематический характер, но продолжались вплоть до падения режима.

Удивительно, но во вновь появившейся после войны антимасонской литературе их теперь уже обвиняли в сотрудничестве с фашизмом. В последние десятилетия исследования по истории итальянского масонства в значительной степени были монополизированы католически, либо коммунистически ориентированными авторами, которые по разным причинам относятся к нему враждебно. (9) Поэтому неудивительно, что, как отмечает один масонский автор, «ни об одной из ветвей масонства у нас нет столь искаженных и неполных сведений, как о масонстве итальянском». (10)

Эзотерические общества

Однако, итальянское масонство не было исключительно политической организацией, оно всегда имело мощный эзотерический компонент. Наряду со специфически масонским символизмом, связанным со строительством и архитектурой и уходящим своими корнями в средневековые гильдии, в рамках Цеха сходятся линии многих других эзотерических традиций, таких как розенкрейцерство, каббала, тамплиерство и пифагорейство.

С самых ранних времен франкмасонство придавало геометрическому символизму наиважнейшее значение. Например, в масонском искусстве широко представлена теорема Пифагора. Следует отметить, что некоторые формы пифагорейского посвящения сохранялись на протяжении столетий, сначала в Византийской империи, а затем, после экспансии оттоманской Турции, в Италии, где нашла убежище греческая интеллектуальная элита.

В период правления Елизаветы I, в североитальянском городе Форли сэр Томас Бодли получил посвящение в Пифагорейское Братство Fratelli Obscuri, имевшее «славную цель распространения Наук и любви к Добродетели», и «созданное по образцу более древнего Общества, которое существовало в Константинополе и Фессалониках еще до падения греческой империи». В восемнадцатом столетии британские и французские пифагорейцы стали известны как «Любители табака», так как в качестве своей эмблемы приняли табачный лист. (11)

Неаполь стал родиной Египетского франкмасонства, традиции, претендующей на происхождение от герметического братства, ведущего свое начало из эллинистического Египта: в этом городе по прежнему существует «Площадь Нила», а в окрестностях Нолы родился превозносивший «мудрость Египта» Джордано Бруно. Впоследствии учение вышло на свет благодаря усилиям Калиостро, а позднее – Джулиано Креммерца, основателя Герметического Братства Мириам. (12) «Евангелие» Калиостро, впервые вышедшее на итальянском в 1914 году и к которому Регини позднее написал комментарий, использует алхимическую терминологию для изображения пути к бессмертию и рекомендует применять магические печати, медитацию, голод и вегетарианскую диету.

Эзотерический Орден Мицраим (чье наименование происходит от еврейского названия Египта), по-видимому, имеет итальянское происхождение. Впервые Мицраим возник в Италии в восемнадцатом столетии, став ассоциироваться с Калиостро, который принес его в Венецию приблизительно в 1788 году. (13) По причине того, что и Египетское франкмасонство, и Орден Мицраим допускают прием женщин – нарушая, тем самым, основополагающие франкмасонские установления, известные как «ландмарки» – а также из-за того, что они учредили градусы выше третьего, их обычно определяют как «нерегулярное масонство».

В 1813 году с помощью братьев Бедарридов Орден Мицраим проник во Францию, распространившись затем в Бельгии, Швейцарии, Англии и США. Он имеет две формы ритуала: каббалистическую, идущую от Бедарридов, и египетско-эллинистическую форму высших градусов, известную как Arcana Arcanorum. (14)

Пути политики и эзотерики сошлись вновь, когда в 1880 году Гарибальди занял пост Верховного Иерофанта Ордена Мицраим. К тому времени он уже объединился с Орденом Мемфиса, чьи ритуалы основывались на египетском символизме. К концу столетия, объединенный орден обеспечил в Италии связь между франкмасонством и теософией: и Е.П. Блаватская, и Анни Безант имели высокие степени посвящения.

Теософ и франкмасон

Уже в восемнадцатилетнем возрасте Регини переехал в Рим, где познакомился с Изабель Купер-Окли, представительницей Блаватской в Италии, и в 1898 они были среди основателей итальянского отделения Теософского Общества. (Блаватская всегда питала симпатии к Италии; она даже утверждала, что в 1867 году сражалась вместе с Гарибальди в битве при Ментане против французских и папских войск). (15) Вскоре теософия, помимо прочего, заработала обвинения в ереси, если не в откровенном язычестве, заслужив, тем самым, симпатии противников церкви. Кроме того, прививая широкой публике интерес к восточной философии и религии – тема, которая до того момента была уделом преимущественно академических кругов – Теософское Общество стало важным средством расширения интеллектуальных горизонтов образованных и непредвзятых итальянцев.

Уже получая наставления в рамках пифагорейской традиции, в 1902 году Регини начал свою масонскую карьеру, получив посвящение в Орден Мемфиса и Мицраима. Что же он нашел в такой эзотерической организации как франкмасонство? Он, вероятно, пришел к мыслям, аналогичным тем, которые высказывает современный масонский автор:

Обряд Мемфиса и Мицраима подходит не для каждого масона, ибо предназначен для тех немногих братьев, кто, следуя множеству указаний и откровений, что содержатся в его ритуалах, искренне стремится войти в резонанс с высшими планами бытия и превзойти

свою индивидуальность. В таком случае, Обряд есть видимая, ясная связь между высшей и низшей сферами. Он дает ключ к Таинствам (Arcana), способ, следуя которому они могут быть открыты и реализованы на практике. (16)

Орденский ритуал Осириса содержит явные намеки на Египет, как пишет о том цитируемый нами Мастер:

Брат, ты вступил в сей Храм, каковой есть Срединный Чертог Пирамиды, в стремлении стать Осирисом и дабы добиться этой чести ты произнес исповедь отрицания, хорошо понимая, что она является только символической, исповедь, которую произносит каждый почивший, достигнув мира теней и представ перед судом Осириса, дабы отождествить себя с ним, если его жизнь была праведна. (17)

В 1903 Регини присоединился к флорентийской ложе, находившейся в подчинении Великому Востоку Италии; спустя два года она была преобразована в Ложу Люцифера, а Регини стал одним из ее руководителей. В то же время миланские ложи объединились с Великим Востоком Рима, чья штаб-квартира находилась в Palazzo Giustiniani.

В своих работах 1906 года Регини выступал с критикой высших градусов (с четвертого по девяносто пятый, в орденах подобных Мицраиму) и выразил сожаление по поводу неудачных попыток Мацзини и американца Альберта Пайка создать «тайный обряд, стоящий над всеми прочими, своего рода масонство в масонстве, который должен был бы объединить разобщенную масонскую семью». (18) В 1908 году группа раскольников, возглавляемая протестантским пастором, отделилась от Великого Востока в знак протеста против его через чур материалистических и радикально политических установок. Они основали новую масонскую организацию со штаб-квартирой на Piazza del Gesu в Риме. Впоследствии два течения итальянского масонства стали известны как «Palazzo Giustiniani» и «Piazza del Gesu» по названию своих римских резиденций.

Попытка произвести объединение раздробленных масонских групп посредством возвращения к изначальным духовным основаниям Цеха была предпринята Итальянским Философским Обрядом, одним из основоположников которого был Регини. (Его наименование напоминает Шотландский Философский Обряд, предположительно, имеющего определенную связь с английскими пифагорейцами.) Итальянский обряд имел семь степеней и описывался как соединение пифагорейских и гностических элементов. В 1911 году Регини и Арменанто переписали статуты обряда, предписав помещать в Храм наряду с другими ритуальными принадлежностями экземпляр Золотых Стихов Пифагора.

Этот эксперимент был прерван первой мировой войной, разорвавшей международные братские связи; Регини пошел служить в армию. Философский Обряд прекратил свое существование в 1919 году, когда влился в Великую Ложу Шотландского Устава. Впоследствии Регини хотя и остался масоном, но проявлял гораздо больше осмотрительности в отношении любой «универсальной реформации» Цеха.

Оккультизм и эзотерика

Как и повсюду в Европе на стыке веков в Италии массовый интерес к оккультному был сосредоточен преимущественно на таких феноменах как гипнотизм и спиритуализм. Широкое хождение получили переиздания классических трудов по астрологии и магии, вышедшие, например, из-под пера Корнелия Агриппы и Джованни Баттиста делла Порта. В то же время значительным вниманием читателей пользовались работы французских авторов, таких как Элифас Леви, Анри Дюрвилль и Папюс. Выходило множество

эзотерических журналов. Сам Регини переводил Свами Вивекананду, египтолога Э.А. Уоллиса Баджа и оккультные повести Роберта Льюиса Стивенсона.

Как Регини, так и Джулиано Креммерц, чья деятельность в Неаполе пришлось на тот же период, делали акцент на стремлении к знанию и предостерегали против того, чтобы путать духовные достижения с приступами эмоционального потрясения. Поэтому они отвергали оккультизм сеансов и сект, разделяя мнение Леви, утверждавшего, что его оккультизм (введенный им термин) основывался на вере, науке и разуме. (19)

Этот экспериментальный метод опирался в большей степени на аналогию, чем на логику. Еще в начале своей деятельности Регини писал: «Символизм архитектуры, церемоний и образов превосходит обыкновенный язык благодаря множественности значений, каковые лишь символы в состоянии выразить, так как они действуют посредством аналогии; формы иероглифов и идеограмм превосходят простое письмо благодаря глубине и точности своих значений». (20)

Два десятилетия спустя Регини выражал ту же самую идею: «Существует изустная традиция скрытого знания, которая не может быть передана словами (если их воспринимать и понимать в профаном смысле). На Западе все еще существует серьезная традиция, которая не имеет ничего общего со смехотворной суестью, пародийностью и претенциозностью сегодняшнего так называемого оккультизма». (21)

Помимо прочего, Регини вместе со своими друзьями Арменанто и Джулио Паризе порою удалялся в уединенную башню на побережье Калабрии, идеально подходящую для штудий и медитаций. Кроме того, Регини не чурался и церемониальной магии, хотя одно из немногочисленных ключевых упоминаний им этого предмета полно ноток, касающихся практических трудностей, связанных с предрассветными ритуалами, как то будильники, чашки кофе, шипящие масляные лампы, не желающий загораться ладан и гаснущие свечи, каковые в массе своей наносили ущерб необходимой «духовной концентрации». (22)

Несмотря на все это Регини оставался пифагорейцем. Что же это означало для него в практическом плане? Он ежедневно занимался припоминанием своих деяний (recollection of his deeds) – практика, уходящая своими корнями к Пифагору, а так же практиковал «философский экстаз», который на самом деле был разновидностью медитации. Практик должен был принять комфортабельное положение в тихом месте, освободив себя от любых мыслей и эмоций; он мог бы находиться в темноте, либо зажечь перед собой светильник. «В тот момент, когда душа очистилась, должен явиться яркий сияющий свет, от которого ничто не способно укрыться» – повествует один древний текст. «И тогда снисходит сладостное, несравнимое ни с чем в этом мире наслаждение, и... в высшей степени приятное томление наполняет голову... Наиболее подвержены подобному экстазу те, чей череп открыт, что позволяет духу ускользнуть... Я верю, что это и есть экстаз Платона, который Плотин испытал семикратно, о чем однажды упоминает Порфирий».

Эта практика имеет важное значение как своего рода «йога Запада». Она концентрирует внимание не столько на оценке тех или иных поступков, сколько на важности припоминания самого по себе. Маги Ренессанса Томмазо Кампанелла и Джордано Бруно говорили о чем-то весьма схожем с этой медитацией. (23)

Регини также делал упор на том, что ищущий ставит перед собой цель трансформировать свою душу посредством таких техник как контроль дыхания, медитация и припоминание, а также на том, что такая трансформация должна произойти в течение его жизни.

Языческая утопия

Во времена Регини слово «языческий» все еще имело по преимуществу негативные коннотации и широко использовалось не для обозначения исторически достоверной религии, но скорее как синоним имморализма и материализма. Тем не менее, он считал его наилучшим термином для выражения своей собственной позиции. В вышедшей в 1914 году статье под названием «Imperialismo pagano» он призывал к возрождению итальянской культуры в форме новой «империи», которая должна была бы достичь превосходства в любой сфере человеческой деятельности. Подобное установление требовало бы свободы и терпимости, хотя история демонстрирует, что не имеющие ничего общего с греко-римским язычеством авраамические религии слишком часто порождали горький плод религиозной нетерпимости. Регини соглашался с Гиббоном, что фанатизм христиан, свойственный им с самых ранних времен, привел к падению Рима, а впоследствии к папской политике противостояния объединению Италии. (24)

Те круги, в которых идеи Регини вызревали в первую очередь, были также сосредоточены на проблеме создания новой «секулярной религии», избавленной от дефектов католицизма, основывающейся, однако, на духовных ценностях. (25) Тем не менее, любой антихристианский «крестовый поход» для Регини был бы явно неприемлемым; скорее он призывал к классическому разделению на массовую и инициатическую религию, развитому впоследствии Геноном и другими. Точно также он осуждал материализм и оголтелый антиклерикализм некоторых масонов, и даже, вероятно, питал надежду, что однажды католическая церковь придет к политике св. Франциска Ассизского и отвергнет политическую и финансовую власть, дабы посвятить себя добрым делам.

Регини верил, что, преследуя цель духовного совершенствования, масонство не должно превращаться в секту. В своей работе от 1922 года, посвященной трем основным масонским градусам, он анализирует символизм ритуала посвящения в степень мастера масона, в частности, ритуальную смерть и воскресение Хирама, наводящие на мысль об Осирисе, Дионисе и Христе; посвящаемый, как он пишет, должен знать, что сознание не определяется лишь физическим существованием. Точно также он критикует некоторых своих англо-американских братьев за их толкование девятнадцатой ландмарки, требующей веры в Бога, в том смысле, что масон обязательно должен быть христианином, напоминая им, что циркуль и наугольник помещаются над Библией, а не под ней. (26) Кроме того, он отмечает, что как континентальное, так и англо-американское масонство более озабочено высокопарными титулами, нежели духовным совершенствованием посвященных.

Фашизм, несбывшиеся надежды

После переезда в Рим, Регини внимательно наблюдает за фашизмом и развитием отношений между Муссолини и Ватиканом.

Большая часть итальянского франкмасонства, наряду с националистами и социалистами-раскольниками, возглавлявшимися Муссолини, поддержала вступление в Первую мировую войну, руководствуясь, прежде всего, стремлением отобрать у Австрии, давнего неприятеля Италии, города Трент и Триест. После войны, в 1920 году Великий Восток поддержал оккупацию города Фиуме на Адриатическом побережье, вопреки мнению союзных Италии Франции и Англии; это событие рассматривалось как последний шаг на пути к национальному единству.

Когда в 1922 году к власти пришло фашистское правительство во главе с Муссолини, и намек не было на то, что итальянское франкмасонство ожидают какие-то неприятности. Никто из известных фашистов не был практикующим католиком, а некоторые даже были франкмасонами. Тем не менее, предостережения Регини о том, что Цех нуждается в духовном обновлении, остались, к сожалению, незамеченными, равно как и его попытки предостеречь режим от соглашения с церковью. В добавок, масонские иерархи в отличие от своих предшественников оказались не столь искусными, чтобы отказаться от политики «разделяй и властвуй».

Со времени Французской Революции фасция, древняя инсигния римской власти, состоящая из двенадцати связанных вместе березовых прутьев со вставленным в них топором, обрела революционные, антимонархические коннотации, поначалу определившие ее принятие фашистской партией. Но для людей, подобных Регини, этот символ также означал и древнеримскую идею *res publica*, в соответствии с которой власть принадлежит совместно народу и аристократическому Сенату. У Регини не было намерения предлагать некую новую форму правления; он скорее надеялся, что духовно ориентированное пифагорейское масонство сформирует новую элиту, новый политический класс, чьи представители будут руководствоваться высшими ценностями.

Годом испытаний для Регини стал 1924-й. Именно тогда правительство выпустило распоряжение о несовместимости масонской деятельности с членством в фашистской партии. Иезуитский журнал опубликовал статью, осуждающую франкмасонство на том основании, что оно, будучи международным, является «неитальянским»; вскоре эта позиция была официально принята фашистами. (27)

В ответ Регини, член Верховного Совета Великой Ложы Piazza del Gesu, напомнил о ключевой роли масонства в Рисорджименто, что вне, всяких сомнений, исключает подобные обвинения. Однако, к тому времени исторические аргументы были уже бесполезны, а значит он, сам того практически не желая, превращался в политического диссидента. В мае его друг Арменанто, который вместе с Регини продолжал тратить силы на бесплодные попытки вернуть единство итальянскому масонству эмигрировал в Бразилию.

Любые надежды, которые франкмасоны могли питать относительно изменений официальной политики, были разбиты антимасонскими репрессиями, развязанными в ноябре 1925 года. Новый закон о противодействии «тайным обществам» конкретно не упоминал франкмасонов, но режим дал ясно понять, что именно против них он и направлен. (28) Муссолини объявил, что эта мера имеет своей целью пресечь политические интриги, а не уничтожить франкмасонство как духовную традицию, однако, когда дело дошло до полицейского преследования, то большой разницы заметно не оказалось. Несколько высших членов Великого Востока Италии иммигрировали во Францию; Piazza del Gesu после неудачной попытки реорганизовать «Орден св. Иоанна Шотландского» также был принудительно ликвидирован. Парадоксально, но отсутствие систематических гонений на регулярное франкмасонство привело к тому, что папа Пий XI выступил с критикой фашистского режима за «излишнюю мягкость». В статье опубликованной в сборнике «Фашизм и Ватикан» 1927-28 Регини, предвидя грядущий альянс между франкмасонством и Ватиканом, отмечал:

Текущее положение дел в нашей стране в свете политической ситуации в Европе и в мире представляется благоприятным для тех, кто желал бы и был способен воспользоваться им для создания новой универсальной цивилизации, берущей начало в Риме. Тем не менее, ... подобная форма империализма не могла бы зависеть от силы, каковая универсальна лишь

на словах, чья врожденная и неискоренимая нетерпимость неприемлема ни для прочих представителей западной цивилизации, ни для цивилизаций Востока... Мы могли бы сказать и более, если бы не были вынуждены использовать более сдержанные выражения, нежели Агриппа четыре столетия назад. (29)

Мы не ошибемся, если скажем, что к тому времени позиция Регини была далека от общепринятой. В короткое время из талантливого автора, пишущего более на отвлеченные темы, он превратился в решительного публичного оппонента предпринятого Муссолини возобновления отношений с Ватиканом, кульминацией которого стали Латеранские соглашения 1929 года. Как самому себя называющему язычником человеку могло быть позволено свободно печататься после провозглашения союза между церковью и фашизмом? Мужество Регини в защите масонства гораздо более существенно, если брать его смутные взгляды на Цех, нежели вся его критика за провал миссии по совершенствованию индивида.

Столкнувшись со столь трудной ситуацией, многие масонские иерархи предпочли выжидательную позицию, но после неудачных попыток примириться с правительством, обе главные ветви масонства объявили о своем роспуске и были восстановлены лишь в 1945. Самопожертвование же Регини привлекло к нему лишь немногих людей, что до, что после войны.

Нападки в прессе продолжились, и Париже предпринимает попытки «спасти свою и Регини души пушечными выстрелами... контроль был столь плотный и всеобъемлющий, а контакты столь ограниченными, что мы даже боялись скомпрометировать тех людей, коим довелось просто нас поприветствовать». (30) В ноябре 1928 года Регини был уволен с должности преподавателя математики средней школы и стал зарабатывать на жизнь частными уроками.

Недостойно повел себя бывший друг Регини Юлиус Эвола, публично обвинивший его в причастности к масонству. (31) Курьезно, но незадолго до этого он опубликовал сборник статей *Imperialismo pagano*, многое позаимствовав из одноименной работы Регини и призывая фашистов избегать политического и идеологического компромисса с католицизмом. Десятилетия спустя, Эвола признает, что свои познания о подлинной инициации он почерпнул у Регини и Генона.

Эпилог

С этого момента Регини, Генон и Эвола пошли каждый своим собственным путем. В 1930 году Генон, который продолжал неоднозначно относиться к масонству как подлинному источнику инициации, покинул Европу, дабы полностью посвятить себя исламским штудиям в Каире. Вскоре Эвола бросает свой непримиримый «языческий империализм» и осуждает масонство на том основании, что оно не в состоянии дать какой бы то ни было подлинной духовной инициации. Он продолжает придерживаться диаметрально противоположного Регини взгляда на католическую церковь как преемницу Римской Империи, развивая свое собственное, особое направление расизма, которое должно было оказать влияние на фашистский режим.

В 1930 году Регини посвятил себя преподаванию и изучению пифагорейской интерпретации чисел, пропорции и гармонии, на которую смотрел не просто как на интеллектуальную игру, но как на ключ к бытию. Его подход чем-то напоминает тот, что был у Томаса Тэйлора, английского неоплатоника девятнадцатого столетия (чьи работы он цитирует), о взаимосвязи духовной и материальной реальности с числами и

пропорциями. Книга Регини, посвященная реконструкции пифагорейской геометрии, содержит идеи, «над которыми следовало бы поразмыслить Франкмасонам», (32) была опубликована в 1935 году и удостоилась похвалы за свою научную ценность со стороны Accademia d'Italia, итальянского аналога Королевского Общества.

Конец второй мировой застал Регини углубленным в работу над пифагорейскими числами. Возможно понимая, что ему осталось уже не так много времени, он оставил детальные инструкции касательно своих манускриптов. (33) Поглощенный своими трудами, он скончался на своей родовой вилле вблизи Болоньи в первый день жаркого июля 1946 года в пять часов пополудни, обратившись лицом к заходящему солнцу.

В одной из своих последних работ, посвященной связи между математикой и духовными поисками, Регини подчеркивал, что подлинная философия связана с непосредственным опытом искателя:

Современная западная наука есть объективная экспериментальная дисциплина, оперирующая инструментами, оказывающими помощь чувствам; ее цель наблюдать, понимать и учитывать неизбежные изменения (принцип Гейзенберга) производимых наблюдателем в наблюдаемых объектах. В масонстве, герметизме, пифагорействе и эзотерических науках исследователь является также и объектом исследования, постигаемым прямо и изнутри без ограничения познания любыми воображаемыми колоннами Геркулеса; не столько объектом теоретизирования, сколько ощущения и жизни. (34)

И что является целью философии – любви к мудрости – если не, как заметил неоплатоник Порфирий, «освобождение своего собственного разума от ограничений и оков»? (35)

Summer 1997 / Gnosis Magazine

© Dana Lloyd Thomas

© Перевод: Д.Б. Зеленцов

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Один из важнейших источников сведений о жизни Регини был написан его другом Джулио Паризе и опубликован в качестве предисловия к Arturo Reghini, *Considerazioni sul rituale dell' apprendista libero muratore* (Genoa: Phoenix, 1981), pp i-xv.

2. Bernard E. Jones, *Freemason' s Guide and Compendium* (London: Harrap, 1986), p. 204.

3. Существует масса литературы относительно «отлучения» франкмасонства Климентом XII. События того периода далеко не просты; в Англии католики-якобиты строили заговоры против протестантской Ганноверской династии, и тот факт, что якобиты были связаны с ранним франкмасонством, без сомнения, заслуживает внимания.

4. Aldo A. Mola, *Storia della massoneria italiana: Dalle origini ai nostril giorni* (Milan: Bompiani, 1994), pp. 53-54.

5. Reghini, pp. 13-14.

6. Разночтения в «официальном» франкмасонстве продолжаютя и в последние годы. Из-за разногласий между «принятыми» и «иррегулярными» ложами и расхождением позиций между высшими градусами и символическим масонством, англоязычная масонская литература, вероятно, не уделяет внимания истории Цеха в Италии настолько, насколько могла бы.

7. Mola, p. 61. Ложи носили имена таких еретиков, как Томазо Кампанелла и Джордано Бруно, а также патриотов, как Кавур, Мацзини и Гарибальди.

8. Ibid. pp. 48ff.

9. Augusto Comba, «La Massoneria in Italia dal Risorgimento alla Grande Guerra» un La massoneria nella storia d'Italia, ed. Aldo A. Mola (Rome: Atanor, 1981), pp. 82-83. Среди них был известный коммунистический интеллектуал Антонио Грамши, а также ряд иезуитских авторов.

10. Kent Henderson, «A Visit to Italy» in *Masons Square*, March 1987. p. 28.

11. R.F. Wallace-James, «Les Nicotiates, or the Order of the Priseurs,» in *Transactions of the Quatuor Coronati Lodge*, vol. 27 (1915), pp. 168-88. Орден, как утверждали, принимал различные наименования по соображениям безопасности, будучи Nicotiates или Priseurs («нюхатели табака») во Франции и Табакологическим Обществом в Англии. См. также J.M. Ragon, «Notice historique sur les Pednosophes (enfants de la sagesse) et sur la Tabacologie, dernier voile de la doctrine pythagoricienne» in *Monde Maconnique*, no. 12, April 1859. Ragon прослеживает историю ордена от самой античности, а также гипотетические контакты на Ближнем Востоке между «детьми мудрости» и тамплиерами.

12. Dana Lloyd Thomas, «Hermetic Healing in Italy: The Magical Therapeutic Brotherhood of Murgiam» in *GNOSIS* #34, pp. 46-49.

13. F. Brunelli, *Rituali dei simboliri di Memphis e Misraim* (Foggia: Bastogi, 1981), p. 45. См. Ellic Howe, *Fringe Masonry in England, 1870-85* in *Ars Quatuor Coronatorum*, vol. 85 (1972), pp. 242-95.

14. Brunelli, p. 46.

15. Paul Johnson, *In Search of the Masters: Behind the Orient Myth* (South Boston, Va.: self-published, 1990), pp. 37-40.

16. Brunelli, p. 73.

17. Ibid., pp. 205-06.

18. Arturo Reghini, «La massoneria come fattore intellettuale» in *Leotardo*, Oct.-Dec. 1906, p. 297.

19. Parise, in Reghini, p. vi.

20. Arturo Reghini «Il punto di vista dell'occultismo» in *Leonardi*, Aprilune 1907, p. 144.

21. Arturo Reghini, in Cornelius Agrippa, *La filosofia occulta o la magia* (Rome: Edizioni Mediterranee, 1972), p. Ixxxvii.
22. Arturo Reghini, «Aventure e disavventure in magia» ill Gruppo di Ur, *Introduzione alla magia* (Rome: Edizioni Mediterranee, 1978), vol. I, p. 388.
23. Roberto Sestito, «Le basi pitagoriche dell' estasi filosofica» in *Ignis*, June 21, 1991, p. 4-5.
24. *Parise*, p. viii.
25. Walter L. Adamson, *Avant-Carde Florence: From Modernism to Fascism* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993), pp. 64ff.
26. Arturo Reghini, *Le parole saae e di passo dei primi tre gradi ed il massimo mistero massonko* (Rome: Atanor, 1981).
27. Статя появилась в *La Civiltà attolita*, Aug. 2, 1924. После заявления Регини ответ на него был опубликован в октябре в ежемесячнике *Cerarchia*, редактором которого был Муссолини; подписанная псевдонимом, она могла быть написана им самим.
28. *Mola*, pp. 138-39.
29. Reghini, in Agrippa, pp. sxxxvi-vii.
30. *Parise*, pp. xi-xii. Недавно язычество Регини было подвергнуто критике со стороны католического писателя Массимо Интровинье.
31. Письмо Рене Генона Гвидо ди Джорджио от 6 апреля 1929, в De Giorgio, *L'Instant et l'eternite* (Milan: Arche, 1987), p. 294.
32. *Parise*, p. xii.
33. Частично опубликованы как Arturo Reghini, *Dei luneri pitagoriri: Prologo* (Allcona: Casa Editrice Ignis, 1991).
34. Arturo Reghini, *I numen saai nella tradizione pitagorira e massonira* (Rome: Casa Editrice Ignis, 1947), p. 143.
35. Porphyry, *Life of Pythagoras*, 46.